Люди долгой весны

Люди долгой весны

Владислав
АФАНАСЬЕВ

Юрий
РЫТХЭУ

Люди долгой весны

Магаданское
книжное издательство
1987

ББК 85.143(2)7я6+26.89(2Р-4М-6 Чук) я6
А94

Текст
Юрия Сергеевича Рытхэу

Специальная фотосъемка
Артура Борисовича Рикельмана

Макетирование
Геннадия Ивановича Метченко

А 4911020000—036
М—149(03)—87 40—87

© Магаданское книжное издательство, 1987

Эта книга рождена творческим содружеством
художника и писателя.
Член Союза писателей СССР Ю. С. Рытхэу
широко известен в нашей стране и за рубежом
как автор романов и повестей о Чукотке.
Близкими и дорогими стали эти северные края
и уроженцу Благовещенска В. П. Афанасьеву.
Член Союза художников СССР,
все свои творческие командировки проводит он
в общении с чукчами и эскимосами.
Картины и рисунки В. П. Афанасьева,
с репродукциями которых вы познакомитесь в этой книге,
рассказ сына Чукотки Ю. С. Рытхэу —
это правдивое повествование о социалистической нови
древних жителей Северо-Востока,
неповторимом своеобразии их жизни
в нашей многонациональной Советской стране,
где все народы — большие и малые —
родные братья и активные строители
своей социалистической Родины.

Народы Севера считают началом года появление солнца после полярной ночи. С этого момента начинается и весна. Долгие дни продолжаются до темных осенних ночей. На Севере нет настоящего лета, и потому самое долгое время года — весна. Я люблю приезжать к себе на родину в эту пору, в самом начале весны, потому что весь этот край вот уже многие годы, с тех самых исторических лет, когда над зданием бывшего царского уездного правления был поднят красный флаг Чукотского ревкома, живет как бы в долгой весне постоянного обновления, строительства, освоения, утверждения новых отношений между людьми. С мыса Дежнева невооруженным глазом видна Америка. Здесь, в Беринговом проливе, проходит невидимая Международная линия изменения дат. Если зимой выйти на лед между островами Большой и Малый Диомид и пошире расставить ноги, можно считать, что сейчас и воскресенье и понедельник. Вместе с встающим из-за моря за мысом Дежнева солнцем, возвещающим новый день для всей планеты, мы начнем путешествие по Советской Арктике, по земле, населенной народностями, насчитывающими от нескольких сотен человек до многих тысяч. Мы совершим это путешествие вместе с художником Владиславом Петровичем Афанасьевым.

Этот человек не только живет и работает в дальневосточном городе Благовещенске, он там родился и вырос. Но для истинного дальневосточника понятие «Дальний Восток» гораздо шире и объемнее, нежели географические и административные границы этого удивительного края. И обращение художника к Северу, к земле, естественно примыкающей к Дальнему Востоку, закономерно и понятно.

Чем Север особенно привлекает художников, в том числе живописцев? На мой взгляд,— особой силой и эмоциональным воздействием на человека искусства громадных нетронутых пространств, удивительным видением человека в этих просторах, его уместностью на земле. Каким, казалось бы на первый взгляд, пустынным ни был северный пейзаж, в нем все равно чувствуется незримое присутствие человека. Эту величественную красоту может понять только тот, кто поднимается на заснеженные круглый год горные вершины, шагает по кочковатой тундре, бредет пустынным берегом на фоне огромного океана, простирающегося до самого горизонта. Именно таким воспринимает арктический пейзаж человек, для которого все это Родина, земля, где он родился и которую надо беречь и охранять. Именно такое восприятие и изображение Севера свойственно многим нашим художникам. В их числе и Владислав Петрович Афанасьев.

Прежде чем решиться писать большие полотна, посвященные моей родной Чукотке, художник проделал не одно путешествие на Крайний Северо-Восток. Он близко познакомился с бытом и трудом морских охотников селения Уэлен, измерил своими шагами тундру Чукотского полуострова, жил вместе с оленеводами в ярангах, в охотничьих балках, мчался в моторном вельботе меж льдов в погоне за морским зверем.

Только человек, глубоко прочувствовавший и познавший на собственном опыте всю прелесть и тяжесть труда тундрового, северного человека, может написать такие волнующие и проникновенные портреты. Казалось бы, что публицистическое может быть в лирическом? Но именно эти качества произведений Владислава Афанасьева будят мысли о красоте земли, об ответственности человека за эту красоту. Наша забота и наше дело — сохранить и умножить богатства Земли, сохранить мир на Земле. Сохранить это величественное спокойствие природы, которое дает силы живущему здесь продолжать дело трудового человека на Севере.

Владислав Афанасьев не будучи назойливо назидательным и плакатным умеет подчеркнуть то новое и яркое, что появилось в жизни народов Севера за годы Советской власти, что является уникальным результатом претворения в жизнь ленинской национальной политики.

Одно из ярких завоеваний нашего строя, нашей культурной политики — появление в литературе и искусстве произведений, широко и глубоко трактующих вопросы национальной самобытности, преемственности традиций, использование опыта всей многонациональной советской литературы и многонационального советского искусства. К таким, на мой взгляд, произведениям и принадлежат картины художника Владислава Петровича Афанасьева.

Подлинное произведение искусства обладает способностью как бы останавливать время, возвращать нас к примечательным вехам истории, нашей собственной жизни.

Селение Уэлен, моя родина, располагается на узкой галечной косе. Там Ледовитый океан подступал к нашей яранге. В осенние штормовые дни волны нередко били в ее стену, а зимой торосы вырастали у ямы, где мы хранили наш зимний запас моржового мяса и жира. С юга косу омывала мелководная лагуна, питаемая тундровыми реками. Вся наша жизнь была связана с морем. Ранним утром уходили на промысел охотники. Зимой они скрывались в голубом сумраке между ледяными торосами, в направлении синеющих вдали островов, а летом — в сверкающем солнечными бликами и плавающими льдинами море, устремляясь в погоню за китовыми и моржовыми стадами. Из моржовых кож в основном строили мы наши жилища — крышу, частично стены, пол. Моржовой кожей были обтянуты охотничьи байдары. Полозья из моржовых бивней хорошо скользили по льду, из этой же крепкой кости мастерили наконечники гарпунов, ручки для ножей и массу других инструментов. Моржовый и китовый жир горел в каменном светильнике, обогревая и освещая жилище. Все сказки, легенды и песни были связаны с морем, с морскими зверями, даже наше происхождение связывалось с ним.

Я родился и рос в то время, когда жизнь на берегах Берингова пролива круто менялась. В наши яранги пришли грамота, электричество, книга и радио. Мы увидели самолет раньше конной повозки и поезда, услышали радио раньше, чем увидели на сцене оперный спектакль и симфонический оркестр.

К этому же времени относится интенсивное изучение народов Арктики, которое широким фронтом проводилось по всему полярному району.

Программа развития культуры и хозяйства арктических народов, принятая еще в первые годы существования Советской республики, дала прекрасные результаты в наше время. Сегодня житель Советской Арктики впитал и многовековое наследство, которое было завещано предками, и перенял ту часть всечеловеческого опыта, который определяет жизнь современного человека.

Он легко переходит из чума или яранги в современный дом, оснащенный комплексом привычных удобств, пересаживается с оленьей и собачьей нарт на снегоход и вездеход, перелетает из одного стойбища в другое на вертолете, не говоря уже о путешествиях на самолете, пользуется радио и телевидением и испытывает неудобство от отсутствия телефона, газет и книг. Словом, он в полном смысле человек конца двадцатого столетия. Однако у него все же есть существенное отличие от других людей планеты, определяемое географией его обитания и родом занятий: он житель Арктики, морской охотник, оленевод и родная его земля большую часть года во льдах и снегах.

Для большинства северных народов исконным занятием является оленеводство, и вся их жизнь и годовой ритм связаны с ним. Однако есть два народа в Советской Арктике, для которых долгие годы остается главным занятием охота на морского зверя. Это эскимосы и чукчи Чукотки.

Летом, когда в море почти не оставалось плавучего льда, начиналась охота на кита. Эскимосы Уназика, селения, называемого сейчас Ново-Чаплино, еще совсем недавно били кита ручным гарпуном. Мне не раз приходилось участвовать в такой охоте, и должен сказать, что нет ничего более захватывающего и величественного. Это работа для настоящих мужчин — поединок морского великана и человека. Вот почему, когда охота успешно завершалась, как правило, в тот же день устраивали большой ритуальный Праздник Кита, в сущности праздник прославления силы человека, его могущества.

Знаменитые певцы и исполнители древнеберингоморских танцев житель Уэлена Атык, эскимос из Наукана Нутетеин, морской охотник и резчик Мылыгрок с острова Малый Диомид прославились исполнением песен и танцев, сочиненных для этих празднеств. Сохраненное в течение многих веков искусство стало составной частью программы известного в нашей стране чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон», которым долгие годы руководил Нутетеин.

Животный мир Арктики сохраняется в нашей стране согласно строгим государственным законам. Но отношение к природному окружению у настоящего северянина всегда было бережным, ибо и лежбища и все богатства моря и суши считали они общечеловеческим достоянием. Я летал на вертолете на остров Аракамчечен в проливе Сенявина, где кочуют оленеводы из совхоза «Маяк Севера». Остров для оленеводов удобен: летом насквозь продувается ветрами, и комариные стаи не могут одолеть оленей. Пастбища богатые. До начала двадцатых годов островом и моржовым лежбищем на его северном берегу единолично владел шаман Аккр. Это был настоящий феодал, нелегко расставшийся потом со своими богатствами. Владимир Туккай, бригадир оленеводческой бригады, знает об Аккре как о персонаже из далекой, почти неправдоподобной легенды. В его голове не укладывается, как это можно единолично владеть целым островом, моржовым лежбищем.

Это все равно что объявить: море мое, небо мое и вон те плывущие по краю неба облака — тоже мои.

Идея собственности на земли, тайгу и охотничьи угодья у народов Арктики всегда была связана с коллективным владением, и это одно из объяснений, почему частная собственность на землю совершенно чужда им.

У Владимира Туккая есть свои личные олени. В большой просторной яранге много свежих газет и журналов: Туккай, хотя и занят древнейшим видом скотоводства,— человек современный. Рядом с ярангой — мощный гусеничный вездеход с радиостанцией.

— Хотел бы ты работать где-нибудь в другом месте? — спрашиваю Туккая после того, как мы покончили с лакомством — китовой кожей с салом.

— В другом месте? — задумчиво спросил Туккай.— Пожалуй, нет. Я родился в тундре, мои родители, мои деды всегда были оленеводами. Я учился в школе, жил в интернате, потом служил в армии... Иногда у меня возникала мысль: а мог бы я жить где-нибудь в другом месте? Наверное, мог бы. Но для этого мне надо лишиться какой-то части самого себя, стать немного другим даже физически. Словом, здесь, в тундре, среди оленей, хотя я разумом понимаю, что жизнь эта не самая удобная и веселая, я чувствую, что создан для нее.

Слушая Туккая, человека достаточно образованного, начитанного и осведомленного о жизни и событиях в других частях мира, я еще и еще раз поражался феномену живучести и преданности северян своей Родине. Прогнозы о неизбежности постепенного исчезновения малочисленных арктических народов появились почти одновременно со временем первого знакомства европейских путешественников с жителями стран полуночного солнца. Прошло почти два столетия с тех пор, а народы эти существуют. Более того, многие удвоили свою численность.

Даже, казалось бы, такие крохотные этнические группировки, как юкагиры, насчитывающие всего лишь несколько сотен человек, сегодня не только уверенно смотрят в будущее, но и всерьез проявляют беспокойство о своем культурном наследии, скрупулезно собирая фольклор, памятники материальной культуры и духовной жизни.

Ученые-лингвисты интенсивно работают над созданием алфавита юкагирского языка, чтобы иметь возможность издавать книги на родном языке этого народа, а чукотский алфавит был создан еще в годы культурной революции.

Я считаю себя сотрудником чукотской газеты уже более трех десятков лет, еще с тех пор, когда в редакцию, помещавшуюся в двух крохотных комнатках напротив педагогического училища в старой, низинной части Анадыря, меня привел тогдашний ее редактор, потом долгие годы редактировавший «Библиотечку «Огонька», Павел Антонович Кравченко. Павел Антонович незадолго до этого учительствовал в моем родном Уэлене, хорошо знал меня, как, впрочем, и многих из тех, кто стоял у истоков советской печати на Крайнем Северо-Востоке. С тех пор я регулярно печатаюсь в родной «Советской Чукотке».

Недавно редакции газет «Советская Чукотка» и «Советкэн Чукотка» переехали в новое помещение. Окружная газета выходит на двух языках — русском и чукотском. Редактор чукотского издания Ивтэк Унукович Березкин любит вспоминать, как выпускали первый номер на языке, которому еще несколько десятков лет назад были чужды такие понятия, как «буква», «печатать». Газету пришлось делать своими руками от первой до последней строчки — и писать, и переводить, и набирать, держать корректуру, верстать и даже крутить маховик примитивной печатной машины. Но когда номер все же вышел, это был самый радостный день не только для тех, кто принимал участие в подготовке и выпуске чукотской газеты, но и для читателей.

На Таймыре живет небольшой народ—долганы. Исстари их занятием было оленеводство и охота на дикого оленя. Весь их жизненный цикл, как у всех оленеводческих народов, был связан с разведением и пастьбой оленя.

И, если углубиться в мировоззрение этого кочевого народа, можно обнаружить удивительно своеобразный мир, центром которого было существо — нечто среднее между оленем и человеком.

Возникшая за последние тридцать — сорок лет литература арктических народов Советского Союза привлекла внимание читателей естественностью, верностью жизни, искренним оптимизмом. И вместе с тем творчество писателей-северян, представителей народов Советской Арктики,— это современная литература, а не интерпретация устного народного творчества. Сейчас в литературу чукотского народа идет новое поколение. Радует начало Валентины Вэкэт, моей землячки, выросшей в соседней яранге в Уэлене. В ее первых литературных опытах уже на новом уровне отразилась древняя традиция соединения в одном произведении и реалистического, и мифологического элементов. Причем все это, казалось бы несовместимое, в творчестве Валентины Вэкэт сплетено точно так же органично и естественно, как то, что рассказывали и мне, и Валентине наши прекрасные сказочники и повествователи устных преданий — Атык, Гемауге, Рэнтыргин и подолгу гостивший в Уэлене эскимосский певец Нутетеин.

Певец и танцор Нутетеин оставил после себя прекрасную память. Он стоял у истоков чукотско-эскимосского ансамбля «Эргырон». Это хорошо известный в нашей стране коллектив. Его артисты не ропщут на свою кочевую судьбу: не успев передохнуть от гастролей, они уже готовят новую программу, чтобы с ней отправиться по Чукотке, в оленеводческие стойбища, в прибрежные поселки, к горнякам и морским охотникам.

Я рад тому, что «Эргырон» идет своим путем, не забывая традиций, завещанных Нутетеином, стараясь осваивать лучшее, что есть в современном советском искусстве. В своих творческих поисках «Эргырон» как бы отражает саму причудливость современной жизни Севера, где переплетается древнее и будущее, где освоенный опыт смело стыкуется с экспериментом.

С наступлением тепла на всем протяжении оленной земли от Чукотки до Кольского полуострова происходит великое явление — рождение нового поколения оленей, прибавление стада, как бы сбор нового урожая. Несмотря на солнечное тепло, время это коварное. Задует неожиданная пурга, и беззащитные маленькие телята могут замерзнуть от стужи, упасть под ураганным ветром. Вековой опыт оленеводов заставляет их искать защищенные места, богатые пастбища.

А солнце все выше. Ближе к Ледовитому океану оно уже почти не заходит. В тундре появляются первые вестники гнуса и комарья. И оленьи стада уходят на высокие плато, где почти не стихает прохладный ветер, или на морское побережье. Пожалуй, это самое спокойное и прекрасное время в жизни оленного жителя. Свертывается тяжелое зимнее жилище, вместо него ставят другое, летнее. Да и одежда становится легкой: тепло, хотя, и по южным меркам, может, и довольно прохладно — десять — пятнадцать градусов.

В тундру вместе с весенними птицами возвращаются дети оленеводов. Даже пенсионеры, проводящие заслуженный отдых в поселках, стараются в это благодатное время оказаться в родной тундре, среди оленей, пройтись по пружинящей, живой земле, посидеть возле тихого, чистого озера, услышать шум воды не в железном кране, а в замшелых, покрытых зеленым налетом камнях.

Практически оленеводство сегодня главное занятие человека Севера. В Советской Арктике выпасается самое большое в мире оленье стадо. Хорошо организованное оленеводческое хозяйство дает огромную прибыль и является самым рентабельным животноводческим предприятием на Севере.

В своих путешествиях по тундрам Арктики я часто задавал один и тот же вопрос оленеводам:

— Каким вы видите будущее оленеводство?

Вот как ответил мне житель Курупкинской тундры Владимир Тутай:

— Будущее оленя — это прежде всего мое будущее. Так надо ставить вопрос: как я вижу свое будущее? Прежде всего многое изменилось даже на протяжении одной моей жизни. Изменился ли я физически и умственно? Наверное, в чем-то переменился... Но в главном как олень остался оленем, так и я остаюсь человеком тундры. И пока будет существовать тундра, пока будет здесь такая природа, буду и я как часть всего этого. Вместе с жизнью нашего общества, всего человечества, наверное, будем меняться и мы, а в основном останемся такими же, ибо человек есть человек во все времена.

Этот философский ответ, в чем-то направленный против предположений, что оленеводство рано или поздно отомрет из-за истощения пастбищ, вызванного ростом поголовья, проникновением промышленности в Арктику, во многом перекликается с мнением других оленеводов, находящихся от Владимира Тутая за несколько тысяч километров, на другом краю Советского Союза — на Кольском полуострове.

Стадо, которое пасет саам Анисим Юрьев, насчитывает около трех тысяч голов, что обычно для оленеводческой бригады, в которой работает пять-шесть человек.

Когда мы сидели в чуме и угощались свежим оленьим мясом, которое, по мнению специалистов, считается лучшим в мире, я задал тот же вопрос Анисиму Юрьеву.

— Пока есть тундра — будет и олень,— почти теми же словами, что и Тутай, уверенно ответил мне Анисим.

Это мое глубокое убеждение,— продолжал оленевод.— Мы родились здесь и продолжаем дело отцов и дедов, стараясь делать его во всяком случае не хуже них. Наши пастбища ограниченны, и развивать количественно оленеводство мы не можем. Но это совсем не значит, что оно должно застыть. Совсем не так. Прежде всего сам олень далеко не исчерпал своих возможностей. Он может быть больше по весу почти в два раза. Значит, мы могли бы продавать мяса в два раза больше, чем сейчас.

Однако в вопросе, который я задавал оленным людям от Чукотского до Кольского полуострова, был заключен и другой смысл: имеет ли будущее образ жизни, который в своих главных чертах сохранился до наших дней, культура и быт людей тундры.

К северо-востоку от города Салехарда, центра Ямало-Ненецкого автономного округа, пасет оленье стадо хант Даниил Иванович Серасхов. Стойбище из трех чумов раскинулось на живописном открытом месте, обрамленном редколесьем лесотундры. Над стойбищем проходят трассы авиационных линий на новые газовые месторождения Ямала — Надым и Уренгой. Возле чумов — крепко связанные грузовые нарты, аккуратно упакованная утварь: стойбище готово в любую минуту быстро сняться с места и отправиться дальше, на новые пастбища. В чуме тепло, чисто и красиво. Здесь же детишки дошкольного возраста, и все стойбище, несмотря на его явно кочевой характер, не производит впечатления временной стоянки. Чувствуется, что это веками сложившийся образ жизни, это дом в полном и настоящем смысле этого слова, их Родина.

Именно с образом жизни, с сохранением его самобытности и связаны искусство, литература, музыка и танцы. За последние годы интерес к ним необычайно повысился. Объясняется это прежде всего тем, что большое число северян получило прекрасное образование в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда и других городов Советского Союза. Знакомство с лучшими образцами мировой литературы, мирового искусства послужило мощным стимулом для понимания истинной ценности своего исконного искусства.

Говоря об этом, как не вспомнить, например, о моей давней знакомой Маргарите Сергеевне Глухих, эскимоске из древнего Наукана, о ее ансамбле «Белый парус». Я встретился с ней в уютной гостиной клуба «Етти» — «Здравствуй». Шла репетиция. Среди участников ансамбля я увидел и старую Имаклик, отметившую год назад свое восьмидесятилетие, и совсем юную Ирину Глухих, заканчивающую нынешней весной десятилетку. Традиции древнего эскимосского танца продолжаются и сегодня. В ансамбле «Белый парус» много молодежи, никогда не видевшей науканской яранги и чадящего жирника. Но настоящее искусство не устаревает, потому что всегда идет в ногу с жизнью. Настоящее искусство всегда обращено в будущее, как и жизнь человечества.

Так говорил мне Нутетеин, знаменитый певец Берингова пролива. Когда я напомнил эти слова его другу, американскому эскимосу Дуайту Мылыгроку с острова Малый Диомид, тот ответил мне: «Чтобы так говорить, надо иметь будущее... А где оно у нас?»

В американской печати, в том числе и научной, нередко можно встретить весьма мрачные прогнозы, предрекающие неминуемое исчезновение и языков, и культур эскимосов и индейцев, растворение этих народов среди других, полную их ассимиляцию. При этом правительственная политика США в области культуры имеет явно выраженную тенденцию к ассимиляции. Не находят финансовой поддержки попытки начать преподавание родного языка в эскимосских школах Аляски, а о национальном искусстве Дуайт Мылыгрок сказал мне: «Американское правительство еще не дало нам ни одного цента на развитие нашего искусства».

Каждый раз, когда я приезжаю в Уэлен, я бываю в знаменитой художественной мастерской резчиков по моржовой кости, встречаюсь со своим старым другом лауреатом Государственной премии РСФСР имени Репина, художником-резчиком Иваном Сейгутегином. Мы идем с ним по просторным мастерским. Широкие окна смотрят на новый Уэлен, на морской, скованный торосистым льдом простор. Иван Сейгутегин расспрашивал меня, как обстоит дело с древним искусством резьбы по кости на другом берегу Берингова пролива. Я рассказал ему о небольшом сувенирном магазинчике в Номе. Там продают изделия из моржовой кости и другие поделки, изготовленные в небольших селениях морских охотников. Большинство изделий не отличается высокими художественными достоинствами, сплошь и рядом это многократное повторение одних и тех же фигурок арктических животных либо пресловутых идолов-пеликенов, рассчитанных на невзыскательный вкус. Изделия эскимосского косторезного искусства продаются в киосках гостиниц и аэропортов Аляски. Если в Уэленской мастерской всячески поощряется творческий труд и ни одно изделие не выйдет в свет, пока не получит одобрения художественного совета, то изделия американских эскимосов

дублируются всеми, кому не лень. Нередко можно встретить даже сработанные из пластмассы подделки под «моржовую кость». Резьбой по кости занимаются в основном старики.

Здесь же, в Уэленской средней школе, уже много лет работает художественная школа, да и в мастерской увидел я молодых художников. Я спросил Ивана Сейгутегина, не беспокоит ли его опасность нивелировки творчества уэленских художников.

Сейгутегин ответил так:

— У нас прочные традиции и высокие образцы. Наши сегодняшние молодые мастера знают много: они знакомы с великим русским искусством, с выдающимися образцами мирового искусства, бывают в прекрасных и богатых музеях — Эрмитаже, Третьяковской галерее, Русском музее, Музее имени Пушкина. Я говорю им, что, знакомясь с прекрасным искусством, они должны помнить истину: настоящее искусство рождается там, где художник верен жизни, ее движению вперед. Тогда искусство бывает самобытным и неповторимым, как неповторим каждый человек, каждый народ.

Государственная помощь этой уникальной мастерской выражается в солидной сумме, точно так же, как и финансовая дотация профессиональному чукотско-эскимосскому ансамблю «Эргырон». Это позволяет коллективу совершать дальние поездки, давать концерты в лучших залах Москвы, Ленинграда, столицах союзных республик, в отдаленных оленеводческих стойбищах, охотничьих становищах и на приисках.

Все это вспоминалось мне, когда я знакомился с рекомендациями и предложениями, отраженными в заключительном документе совещания экспертов в ЮНЕСКО. В этом документе рекомендовалось правительствам изыскать финансовые средства для создания письменностей для малых народов, организовать издание учебников и оригинальных книг на родных языках, поддерживать фольклорные ансамбли.

Помню, когда предварительно составленный заключительный документ был предложен для обсуждения, я взял слово и сказал:

— Я полностью поддерживаю все эти предложения и рекомендации. Что же касается страны, которую я здесь представляю, то вы прекрасно знаете, что это одна из самых многонациональных стран в мире. Все предложения, которые здесь рассматриваются, нашли свое решение уже в первых ленинских декретах Советского государства, а сейчас закреплены в Конституции СССР. Я не буду говорить о других народах нашей страны, которые в царское время не имели письменности и чья культурная жизнь всячески подавлялась. Я сошлюсь на близкие мне примеры — примеры возрождения к жизни маленьких по численности народностей и этнических групп, разбросанных по всему огромному пространству Советского Севера. Все, что предлагается в заключительном документе, не только претворено в жизнь в нашей стране, но и во многом превзойдено... Я знаю, что культурные достижения народов нашей страны всячески пытаются преуменьшить и исказить средства массовой информации, контролируемые ведомствами США. Там часто можно услышать и прочитать мрачные предсказания о печальном будущем национальных меньшинств. По отношению к ним в мире капитализма такого рода предсказания имеют основание: жестокая, бесчеловечная природа капитализма не знает жалости.

Но правда о нашей стране, о расцвете культур даже малочисленных народов достигает самых отдаленных уголков мира. В частности, вот тому свидетельство, взятое из книги эскимосского публициста и общественного деятеля Джозефа Сенунгетука «Отдайте или возьмите века», изданной в Сан-Франциско:

«Если когда-нибудь Берингов пролив снова будет открыт для обмена идеями, мы надеемся, что социализм вдохнет новые силы в сердца людей, для которых нет будущего в капиталистическом обществе».

В детстве, когда я тяжело болел корью, в нашу ярангу попеременно приходили доктор и шаманка. И моя мать, носившая поэтичное имя Туар, что означает «невысказанное слово», впоследствии всерьез утверждала, что хорошим здоровьем я обязан этому комбинированному лечению.

Теперь, когда мы видим на месте вчерашних шаманов терапевта чукчанку Ольгу Тымнэттувге или детского врача Елену Папо, хирургов ненца Станислава Салиндера или ханта Леонида Куртямова, мы уже этому не удивляемся, ибо в нашем восприятии замена шаманизма современной наукой не противоречит главному — материалистическому мировоззрению арктических народов.

Порой шаманами называют людей из представителей северных народов, которые занимаются деятельностью, граничащей с делами древних мудрецов. Один из таких людей — мой давний друг хант Геннадий Бардин, кандидат географических наук, зимовавший не раз на полярных станциях, в Антарктике. Ныне он начальник Управления гидрометеослужбы и охраны окружающей среды на огромном пространстве от устья Колымы до южных берегов Анадырского залива.

Всю историю человечества человек в Арктике защищался от природы, от холода, иной раз ему приходилось принимать меры предосторожности для защиты от диких зверей. Настало другое время, когда природе Арктики понадобилась защита и от действий человека, от истребления им животного мира. Чистейшие озера и моря Арктики оказались под угрозой загрязнения.

Несколько лет назад с трибуны сессии Верховного Совета СССР прозвучал предостерегающий голос представителя чукотского народа о необходимости принять специальные законы об охране природы и животного мира Арктики.

Когда-то и в бухте Провидения охотились на моржа. Сегодня промысел этого удивительного зверя, обеспечивавшего существование приморских арктических народов, также строго регулируется специальными правилами. Долгое время эту службу возглавлял эскимос Василий Нанок.

Однажды ранним утром он позвонил мне домой и позвал прогуляться по берегу бухты. Он повел меня на самое шумное и людное место недалеко от магазина. И то, что я увидел, поразило меня: на берегу лежало несколько моржей.

— Моржи вернулись на берег бухты Провидения,— торжествующе сказал Нанок.

— Значит, наша работа не пропала даром. Да, моржи возвращаются на старые лежбища, белых медведей стало значительно больше. Все это отрадные явления, которые радуют коренных жителей Советской Арктики.

Мы простились с богами, с которыми связывали непонятные явления, однако для нас выявилась подлинная ценность нашего духовного наследства, родного языка.

В своем путешествии вслед за весенним солнцем, вставшим над Чукотским морем и ушедшим за горизонт, за скалы Хибинских гор на Кольском полуострове, мы познакомились с людьми, для которых Север, снега, холод, лед, яркая, цветастая тундра и сладкая ягода морошка — это Родина, самое дорогое место на земле.

Куда бы нас ни забрасывала судьба, возвращение на родную землю есть всегда возвращение в ту точку, с которой мы видим мир.

И каждый раз на переломе зимы, в конце февраля, в Арктику приходит весна, самое долгое время года на Севере, как бы подтверждая природу великого оптимизма северян.

Юрий Рытхэу

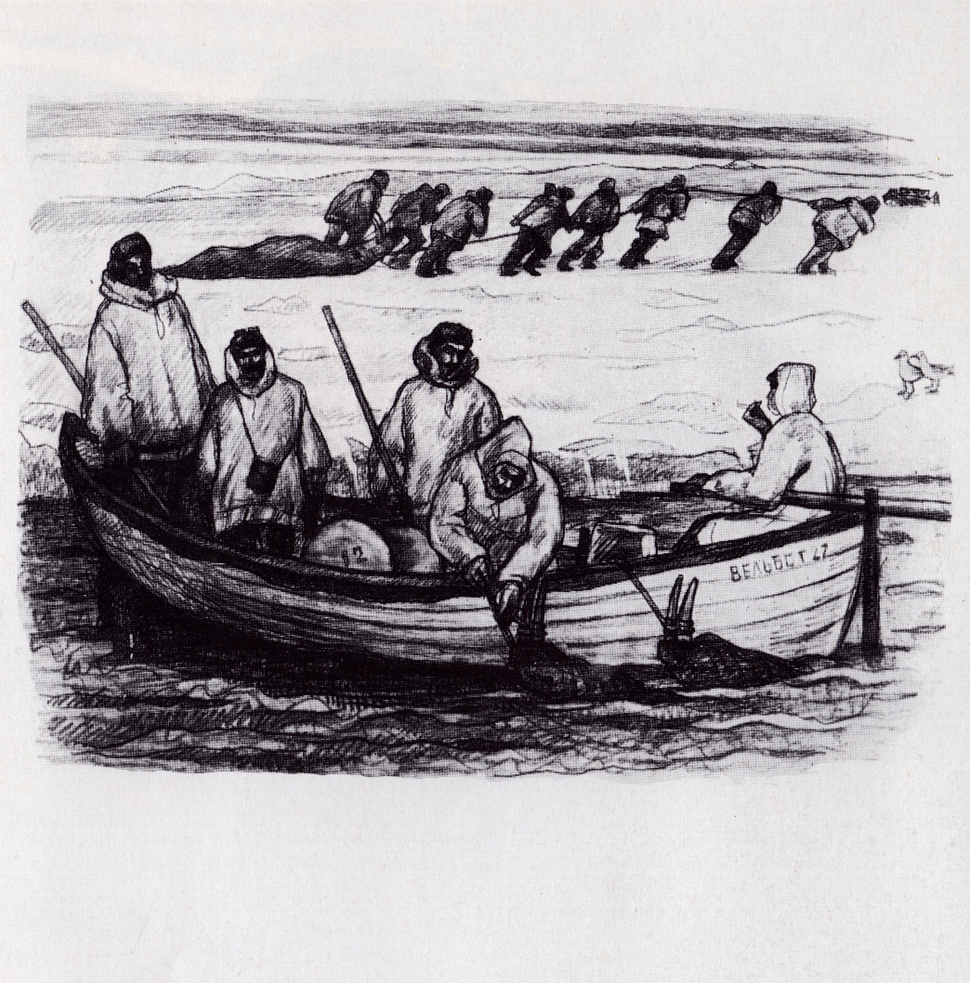
Передовики социалистического соревнования

Молодая мать

На мысе Дежнева

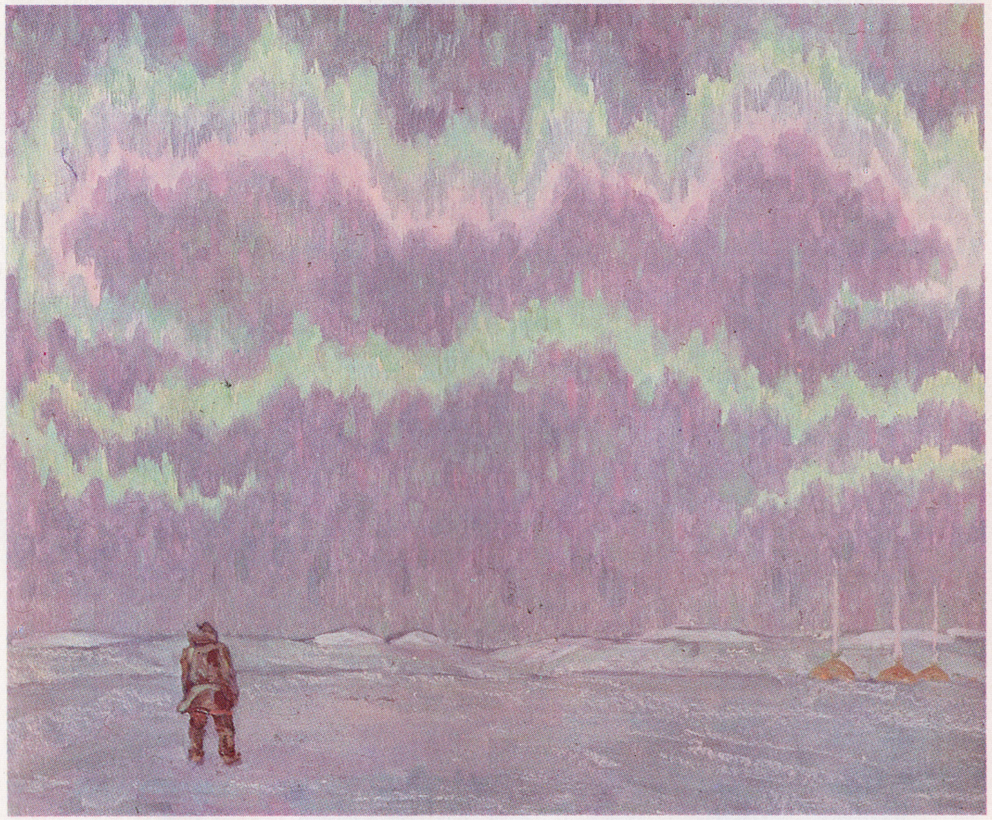
Юная тундровичка

После удачной охоты



Юрий Рытхэу

Сияние Севера



Пуночки прилетели

Сергей Етынкеу

На Севере Дальнем

Дочь тундры

Северное сияние

Чукотский мальчик

На разделке кита

Приготовления к празднику

Караван судов в Арктике

Оленевод

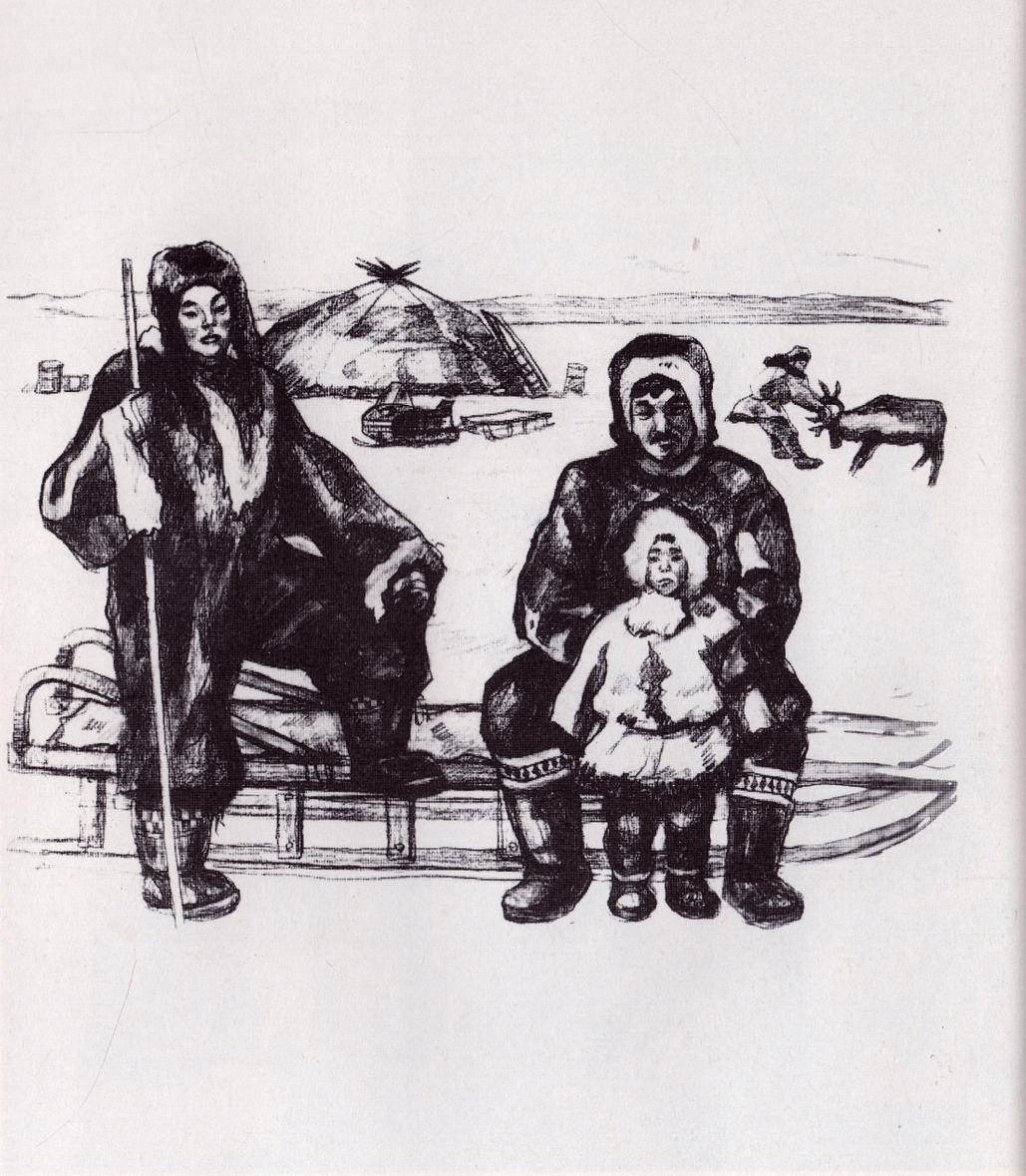
Охотники на морского зверя

Ездовые собаки

У рации

Молодые оленеводы

В стойбище



Промысловик Александр Пелягиргин

За обработкой шкур

Эскимосский танец

В яранге

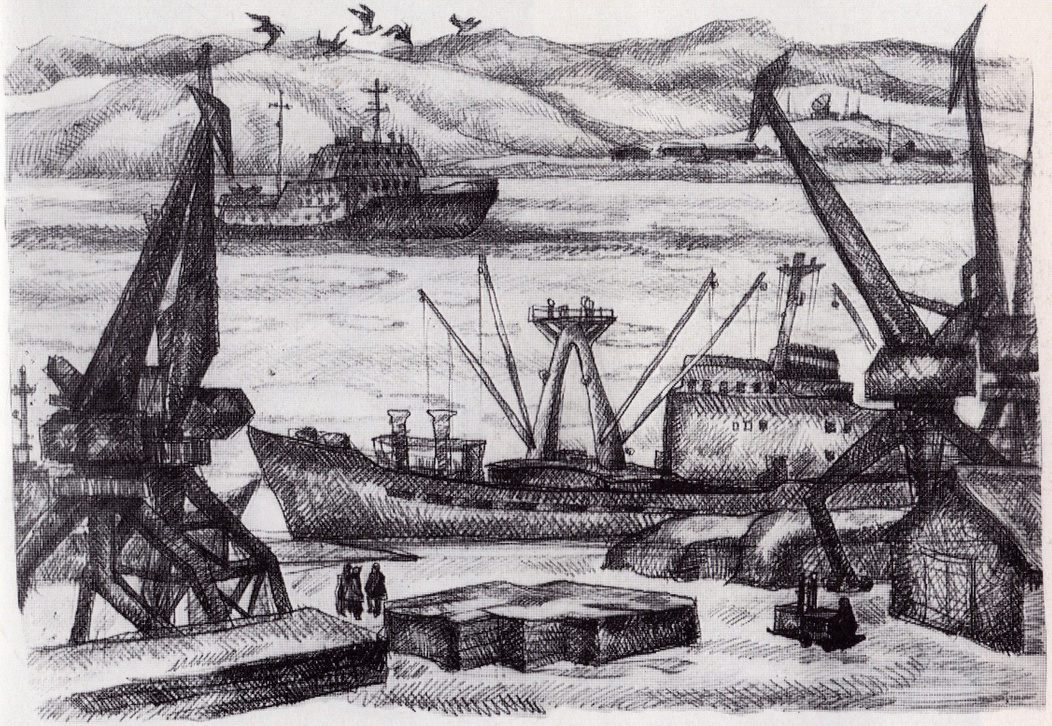
Весна в тундре

Тундровички

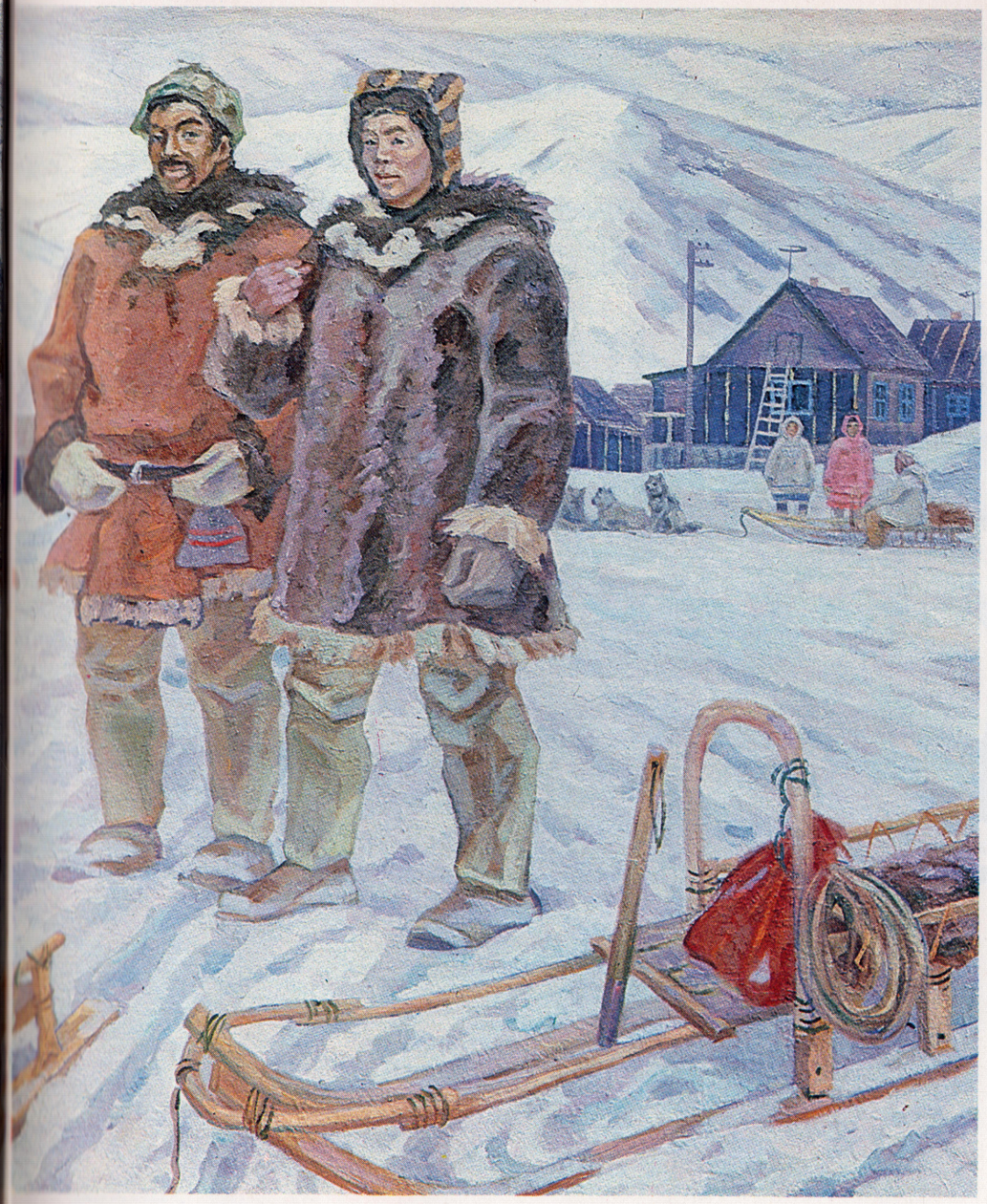
Эскимоска из Сиреников

Семья оленевода

Провиденский морской порт



Тундровики



На промысел морского зверя

Размышление

Эскимоска с ребенком

Чукотские дети

Белая ночь

Долина озера Интук

Олененок родился

Пастух Пэрсэ

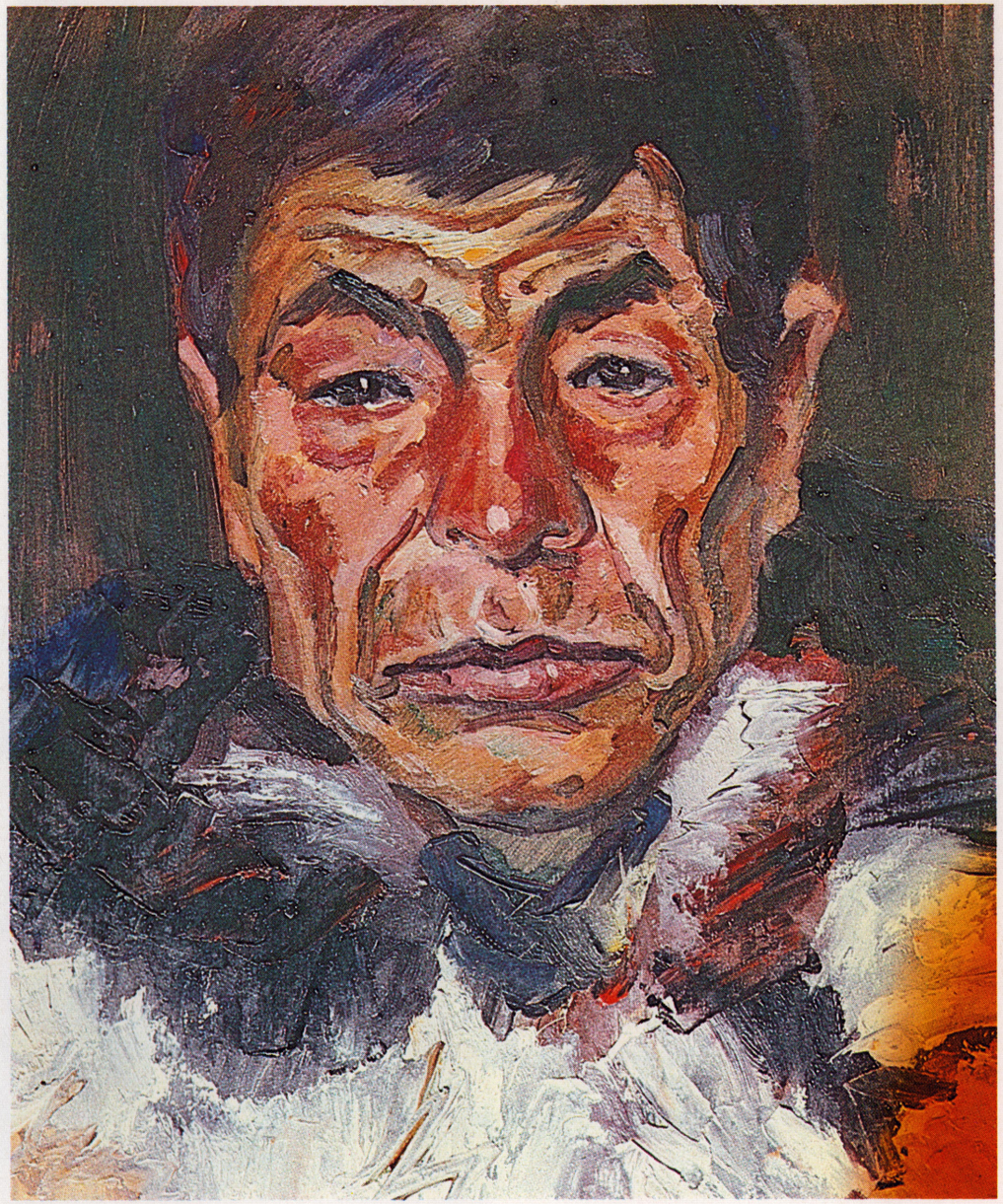
Игра в шахматы

Бракосочетание в тундре

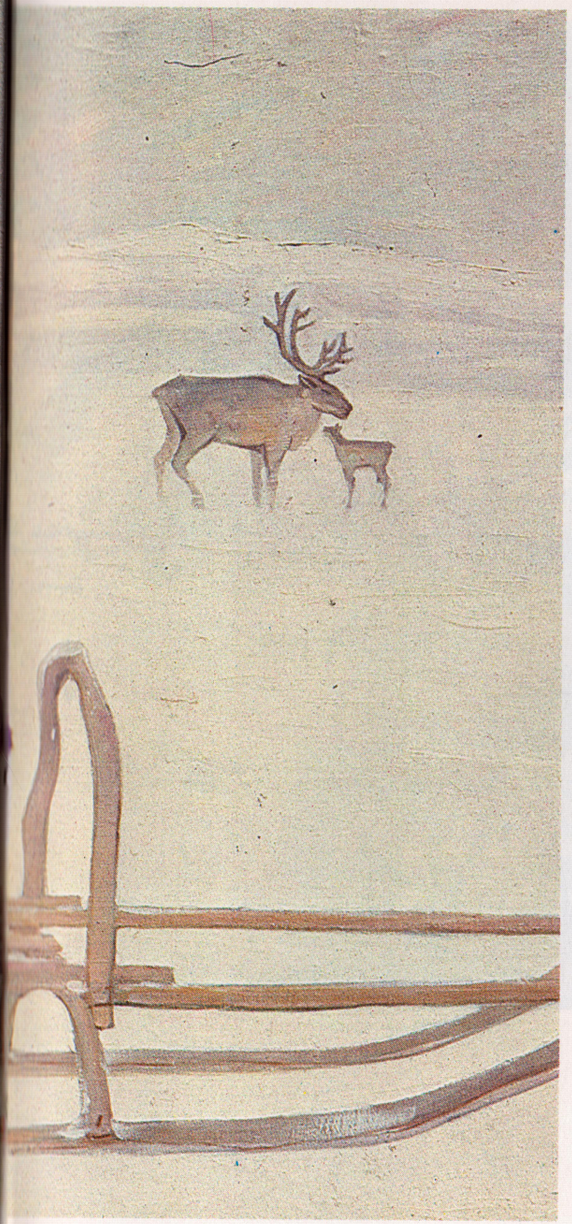
Материнство

Прилетел вертолет

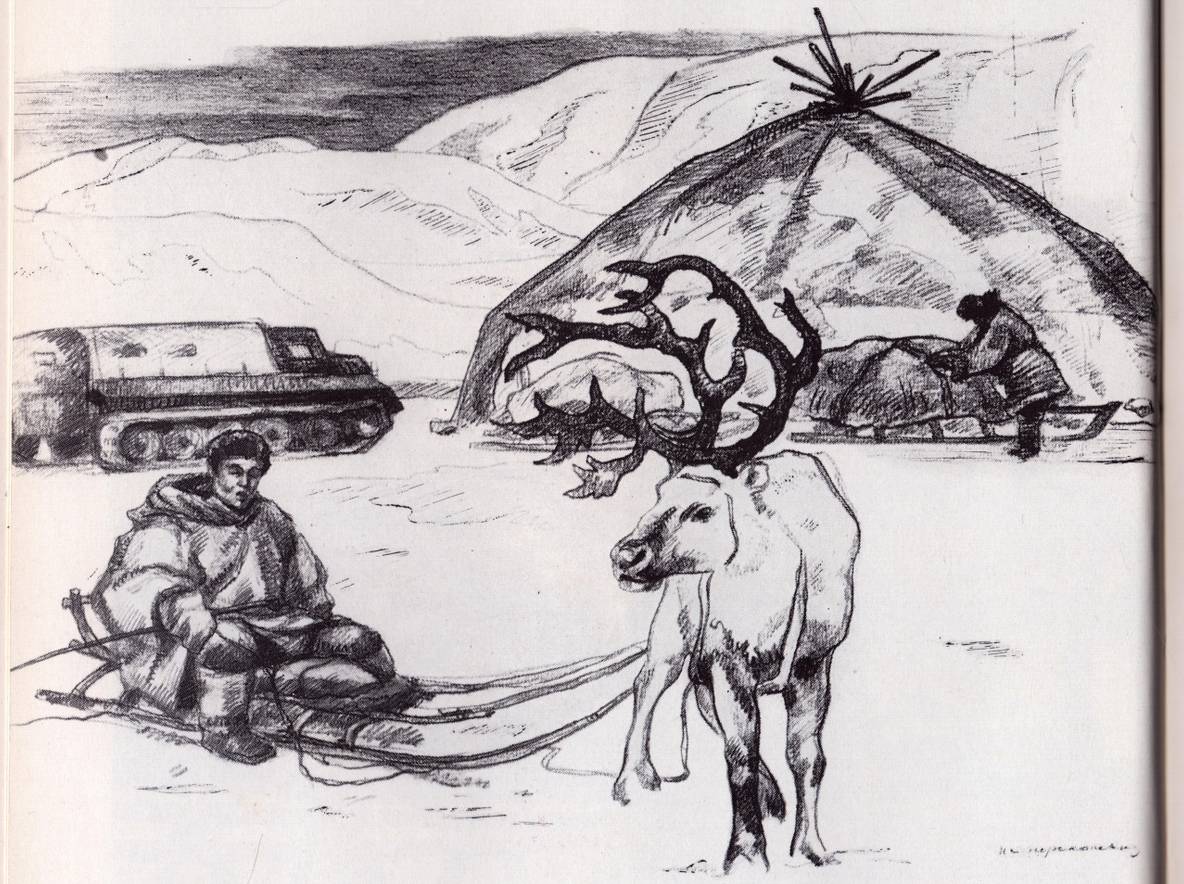
Оленевод Михаил Чейвутэгин



Чукчанка с ребенком



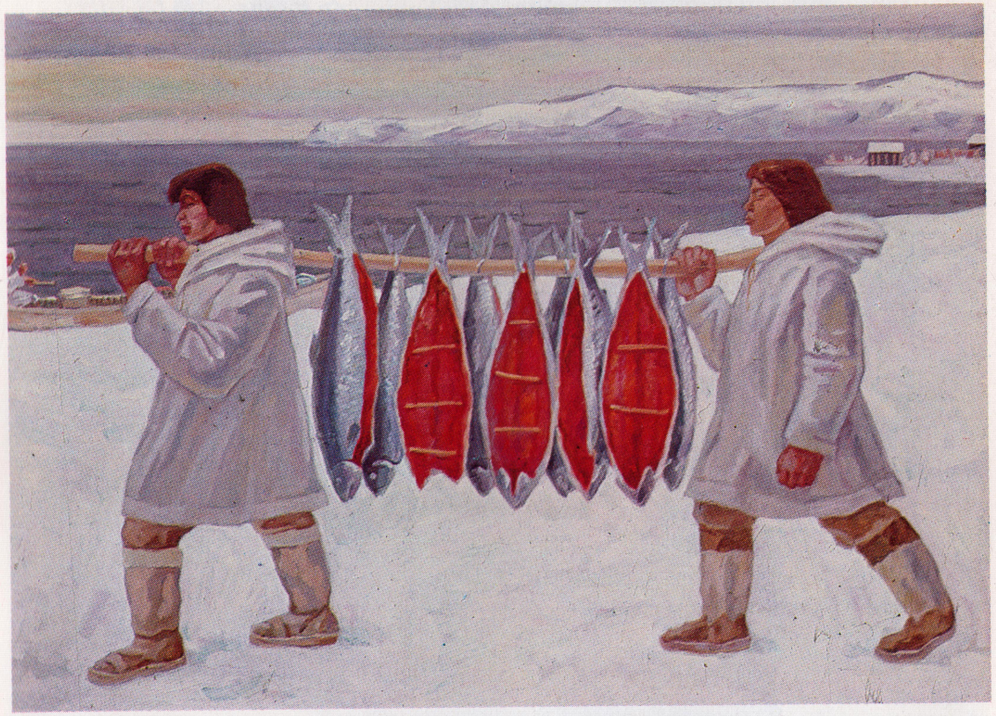
На перекочевке



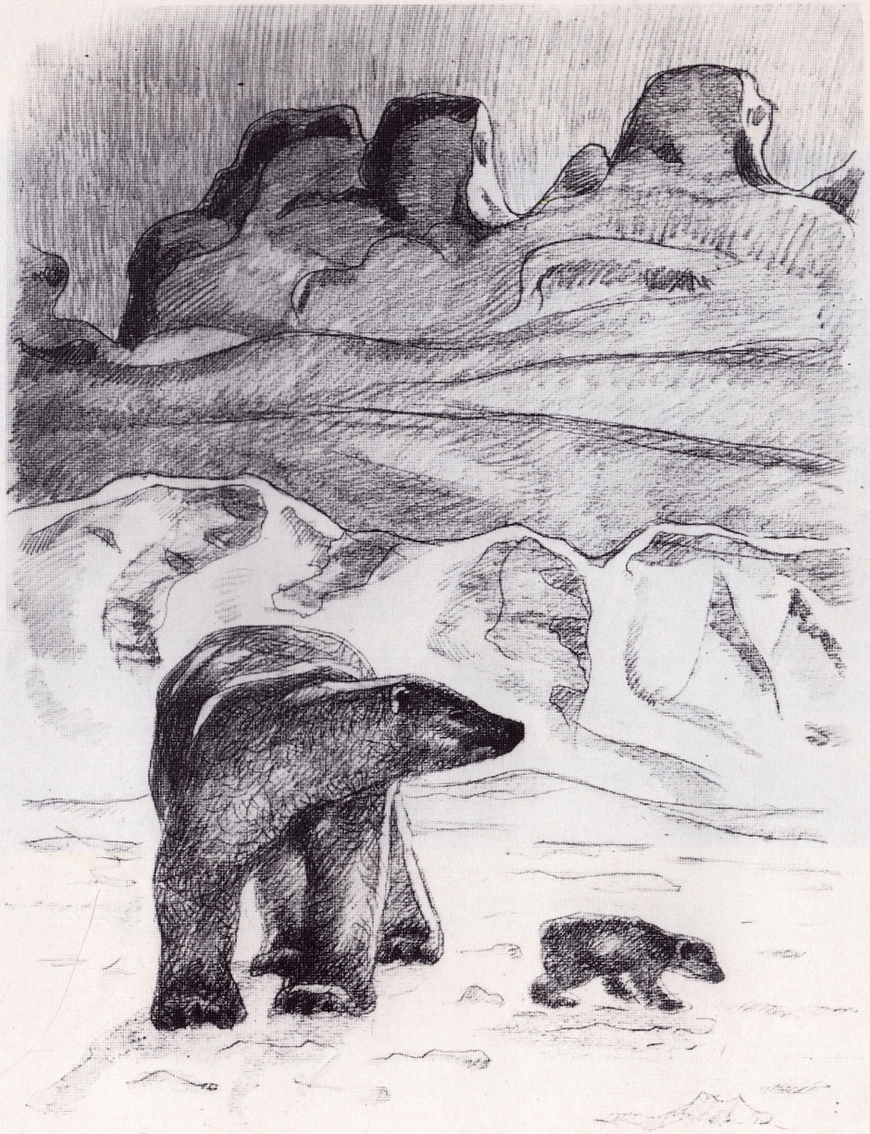
Бригадир Михаил Рахтоль

Побережье Анадырского залива

Рыбаки Нунлиграна



Белые медведи



Михаил Чейвутэгин на стойбище

Эттоу из Уэлена

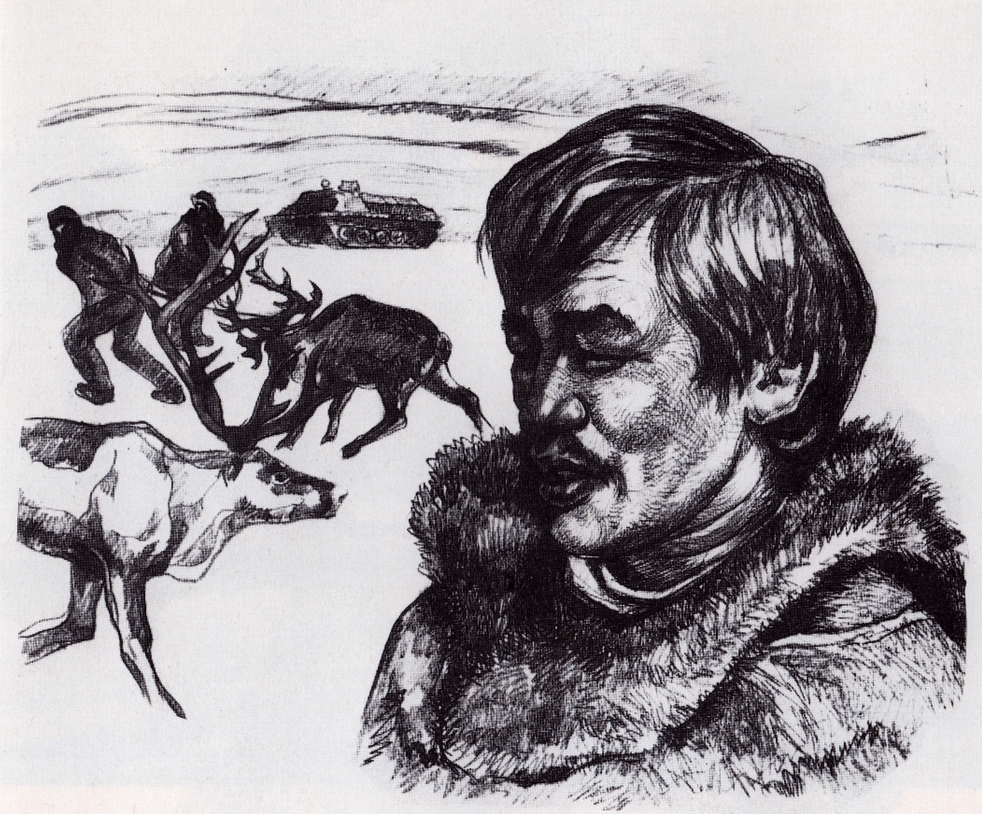
Уэленская улица

Пастухи

Музыкальный момент

Старый оленевод

Новое поколение



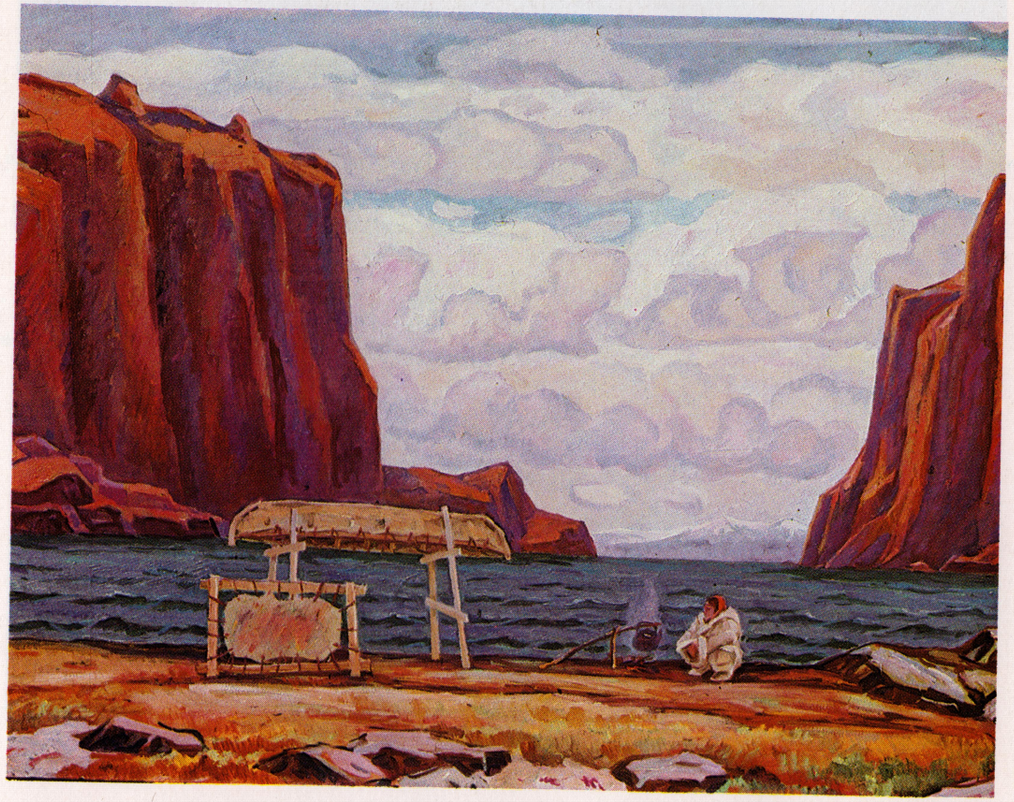
Поселок Сиреники

Эскимоска из Нунлиграна

Концерт агитбригады

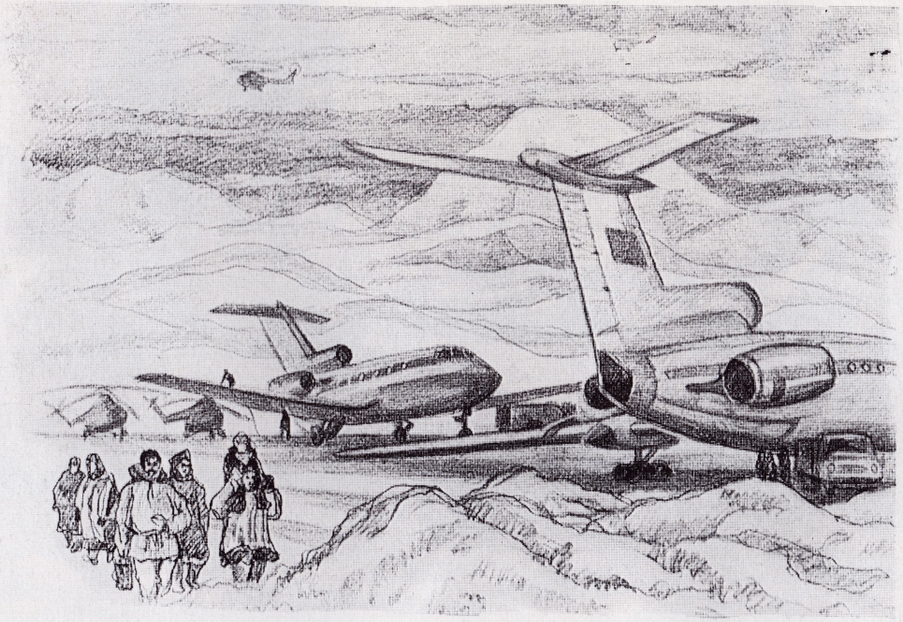
Чукчанка

Скалы в Нунлигране



Нефтеразведка на Чукотке

Анадырский аэропорт

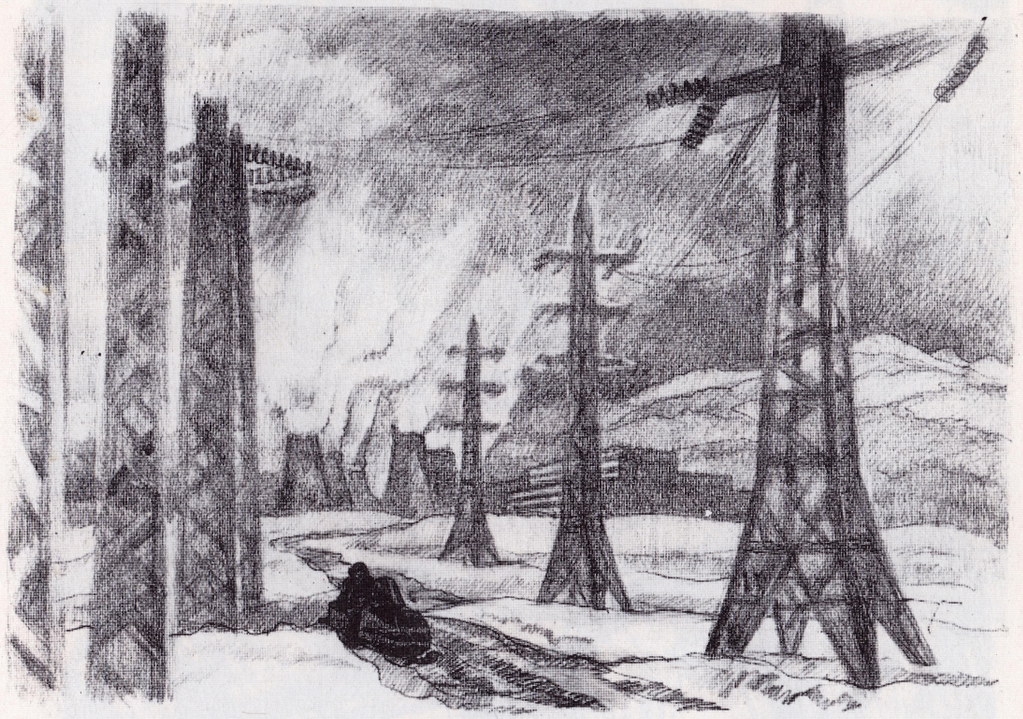


Самая северная драга

Побережье Чукотского моря

Антонина Кымытваль

Билибинская атомная



Весенний день

Состязание на оленьих упряжках

В Уэленской косторезной мастерской

Молодость Чукотки

Тундровик Федор Ровтынто

Весна в уэленской тундре

Первомай в Арктике

Встреча

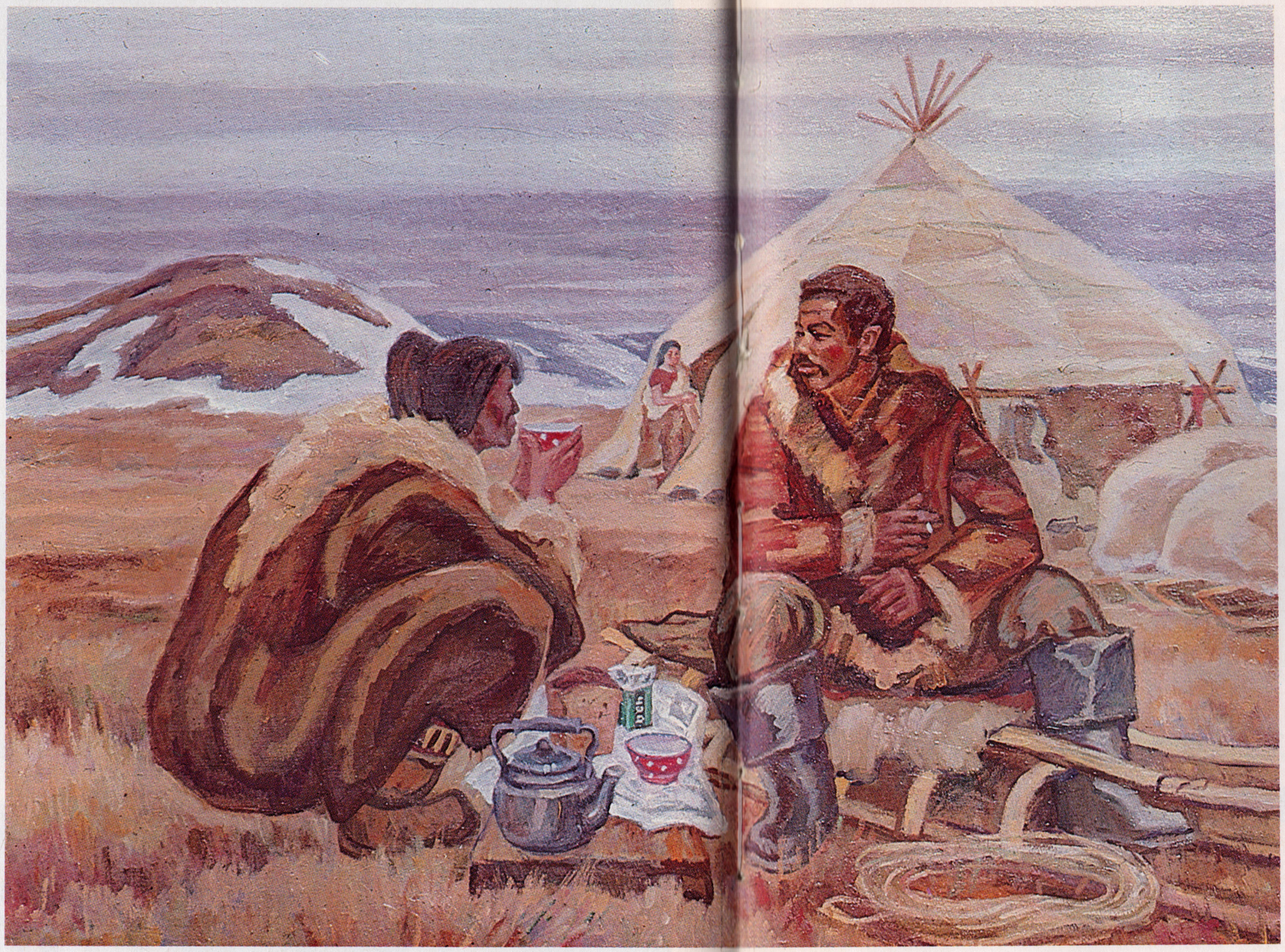
Почтальон

Старые дома в Сиреникаx

Тундра оттаивает

Чукчанка в керкере

Разговор за чашкой чая

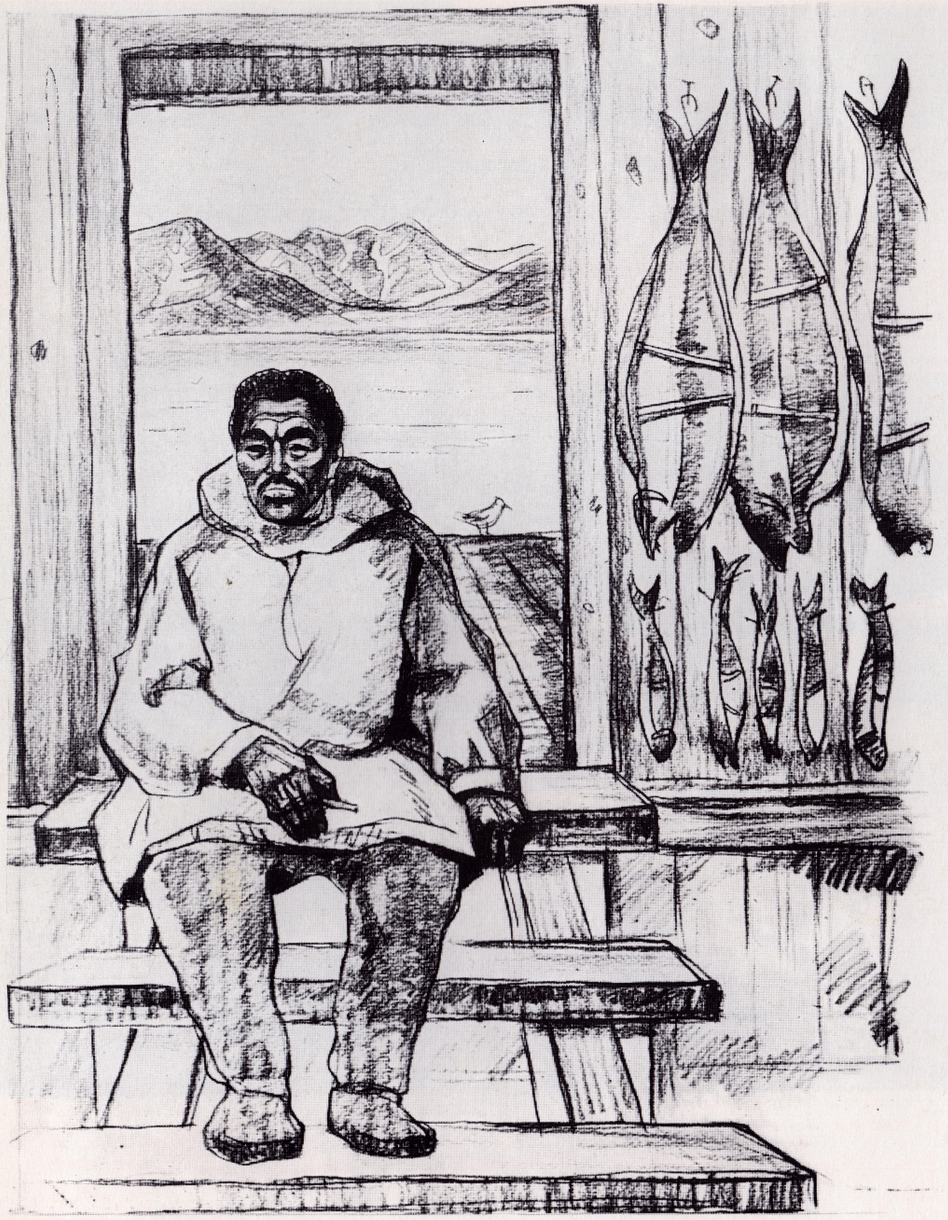


В праздничном наряде

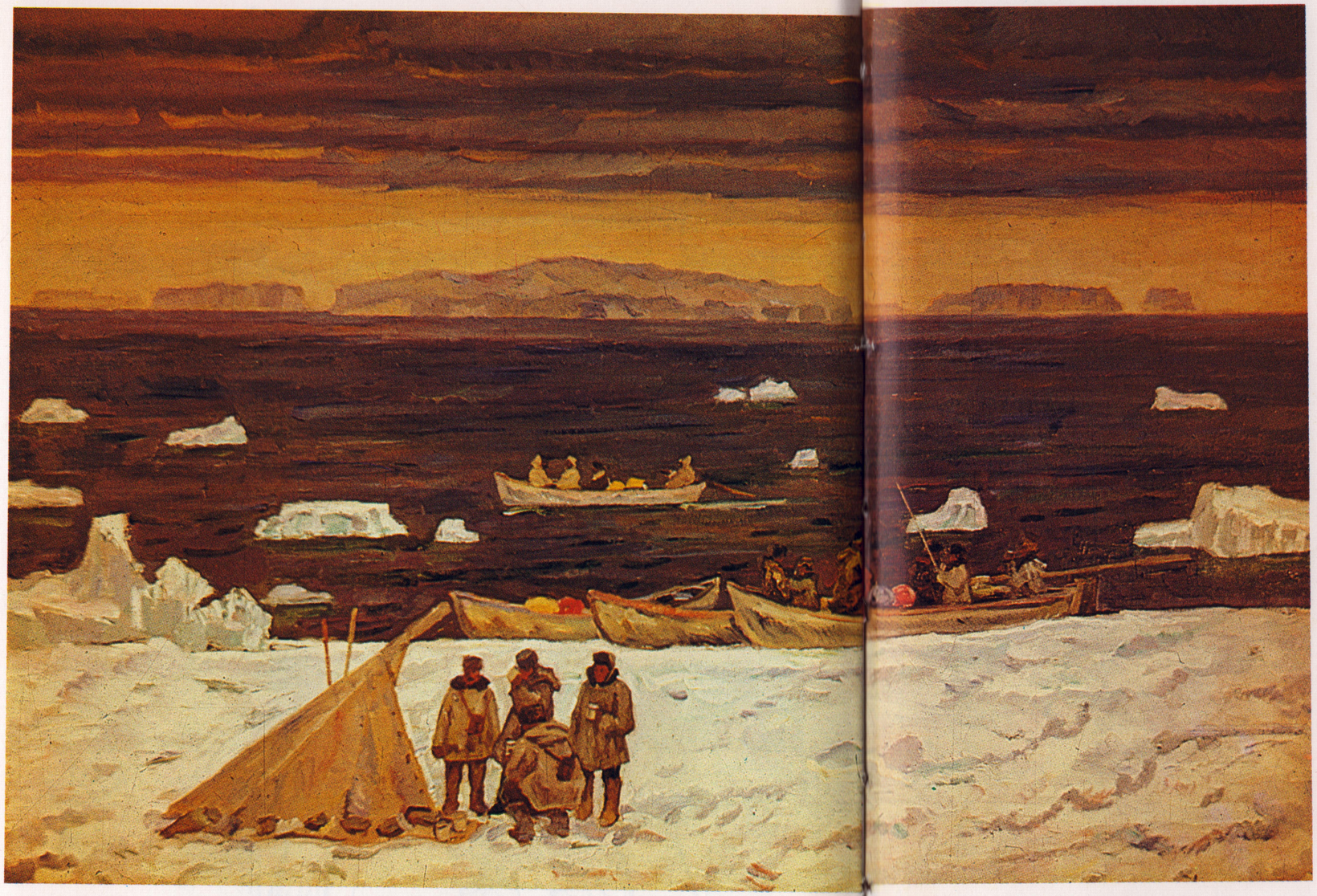
Чукотская мать

Нунлигран

После работы



Охотники на моржа в Беринговом проливе



2—3-я с.— картина
«Молодые промысловики»,
4-я с.— фрагмент картины
«Праздник»

Владислав Петрович Афанасьев

Юрий Сергеевич Рытхэу

ЛЮДИ ДОЛГОЙ ВЕСНЫ

Альбом

Редактор Л. Н. Ягунова
Художественный редактор Б. Р. Бойчин
Технический редактор Н. С. Ганцева
Корректор В. И. Огрызко

ИБ № н/к

Сдано в набор 19.03.87.
Подписано к печати 21.08.87.
АХ-01095.
Формат 70×90/16.
Бумага офс., мелован.
Гарнитура журнальная рубленая.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,19.
Усл. кр.-отт. 32,8.
Уч.-изд. л. 6,912.
Тираж 15 000 экз. Заказ 1558.
Цена 3 р. 30 к.

Магаданское книжное издательство,
685000, Магадан, пр. Ленина, 2

Калининский ордена Трудового
Красного Знамени полиграфкомбинат
детской литературы
им. 50-летия СССР
Росглавполиграфпрома
Госкомиздата РСФСР.
170040, Калинин,
проспект 50-летия
Октября, 46

3 р. 30 к.